

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-144-158
EDN: SSPRJL

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ (ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА)

Пешкова В.М.

*Институт социологии ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к.5)*

E-mail: pever@mail.ru

Для цитирования:

Пешкова В.М. Социальные риски и ресурсный потенциал семей трудовых мигрантов в России (исследовательская экспертиза) // Народонаселение. – 2026. – Т. – № 3 – С. 144-158. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-144-158; EDN: SSPRJL

Аннотация. Проблематика положения семей трудовых мигрантов с детьми лишь недавно стала восприниматься как органичная часть доктринальных и правовых оснований российской миграционной политики и шире – общественной повестки принимающего общества. В этой связи актуален вопрос о том, выступают ли такие семьи источником дополнительных социальных вызовов и рисков или, напротив, могут рассматриваться в качестве ресурса, в том числе интеграционного. В статье на основе экспертной исследовательской процедуры анализируется то, как категория «семья мигрантов» концептуализируется и проблематизируется в представлениях российского научного сообщества. Эмпирическую базу составляют глубинные полуструктурированные интервью с 24 специалистами в области изучения семьи и миграции из стран Центральной Азии в России. Показывается, что в настоящее время не существует однозначного понимания категории «семья мигрантов», поскольку она охватывает многообразие семейных структур и моделей отношений на различных этапах миграционной траектории. Следовательно, оценка социального положения и интеграционного потенциала семей мигрантов требует четкой фиксации их конкретных форм. В экспертных интерпретациях описание характеристик и границ таких семей осуществляется, во-первых, через сравнение как с семьями в странах Центральной Азии, так и с российскими семьями; во-вторых, через сопоставление семейной и индивидуальной миграции в различных контекстах, прежде всего с точки зрения адаптационного и интеграционного потенциала. Делается вывод, что миграция семей с детьми выступает одновременно социальным вызовом и ресурсом интеграции, а также фактором демографического и социально-экономического развития России.

Ключевые слова: миграционная политика, семьи мигрантов, семейная миграция, трудовая миграция, миграция из Центральной Азии, адаптация, интеграция.

Постановка проблемы

В последнее десятилетие дискуссия относительно миграционной ситуации в российской повестке, казалось, стала терять остроту. Однако с 2023 г. вопросы иностранной трудовой миграции вновь оказались в центре внимания, что было обусловлено долгосрочными последствиями пандемии и трагическими событиями в «Крокус Сити Холле». При этом как в законотворческой деятельности и её реализации, так и в общественно-политической риторике прослеживаются двойственные тенденции. С одной стороны, в России сохраняется дефицит трудовых ресурсов, что диктует необходимость привлечения иностранной рабочей силы; с другой — наблюдается последовательное ужесточение нормативно-правового регулирования миграционной сферы, продиктованное приоритетами национальной безопасности¹. Ужесточение контроля в 2025 г. приобрело институциональный характер и коснулось разных сфер миграционной ситуации. Новые нормы в основном затрагивают тех, кто приезжает на длительное время в составе полной семьи. В частности, вступили в силу поправки, фактически исключающие возможность легального нахождения семьи с мигрантом, осуществляющим деятельность на основании патента². С 1 апреля 2025 г. также действуют новые правила, регулирующие порядок приёма детей мигрантов в образовательные учреждения³.

Возникает вопрос, насколько подобные меры коррелируют с долгосрочными целями государственной политики России. Речь идёт о преемственности положений обновлённой «Концепции государственной миграционной политики (до 2030 г.)», которая, несмотря на акцент на национальной безопасности, по-прежнему декларирует поддержку лиц, «способных органично включиться в систему позитивных социальных связей»⁴; а также принятой в 2025 г. «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 г.»⁵, ориентированных на поддержку лиц, способных к успешной интеграции в российское социокультурное пространство. Существует определённое противоречие и с установками новой «Стратегии государственной национальной политики»⁶, а также с международными обязательствами РФ в рамках ЕАЭС и СНГ. Ведь, согласно исследованиям, именно мигранты с семьями, особенно с несовершеннолетними детьми, проявляют наибольшую склонность к долгосрочному укоренению и конструктивной адаптации [1–4].

Общественным мнением ситуация в сфере миграции и данные инициативы воспринимаются также неоднородно. Согласно исследованиям ВЦИОМ (2024–2025 гг.), идею запрета на въезд семей для мигрантов поддерживают 52% россиян. В то же время 39% респондентов выступают против, полагая, что наличие семьи является фактором со-

¹ Ужесточение миграционной политики: ТОП-10 изменений для иностранных граждан в РФ в 2025 году // Экспертный портал Б1 (бывш. ЕУ), 7 февраля 2025 г. — URL : <https://b1.ru/insights/pas-messenger/migration-policy-7-february-2025/> ; Порядок использования мобильного приложения для миграционного учета в Москве и МО // Официальный сайт ММЦ Сахарово. — URL : <https://mc.mos.ru> (дата обращения: 08.01.2026).

² Федеральный закон от 8.08.2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях повышения эффективности федерального государственного контроля за пребыванием (проживанием) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» установил лимит пребывания в РФ для безвизовых категорий граждан не более 90 дней в течение года. — URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51023> (дата обращения: 08.01.2026).

³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об образовании в Российской Федерации». — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_

doc.LAW_140174/61481667d956e25b4c53b1febedf53ed1121e78c/ (дата обращения: 08.01.2026).

⁴ Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Официальное опубликование правовых актов. — URL : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055> (дата обращения: 08.01.2026).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. — URL : <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: 08.01.2026).

⁶ Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальное опубликование правовых актов. — URL : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250012> (дата обращения: 08.01.2026).

циальной ответственности и стабильности мигранта. Поддержка ограничений сосуществует с высокой толерантностью: почти 80% опрошенных не испытывают личной неприязни к мигрантам⁷.

Таким образом, семья мигранта, особенно с несовершеннолетними детьми, превращается в объект жёсткого государственного регулирования. Но о какой семейной миграции идёт речь, если под ней можно понимать любое перемещение людей, связанное с формированием новых или поддержанием уже существующих родственных связей? Международная организация по миграции (МОМ) выделяет четыре вида семейной миграции, которым соответствуют четыре типа мигрантских семей: создание семьи в стране назначения; миграция членов семьи, сопровождающих «основного» заявителя; воссоединение семьи; международное усыновление⁸. На практике, однако, границы между данными категориями зачастую оказываются размытыми. Кроме того, ключевым фактором, детерминирующим государственную политику в данной сфере, выступает национально-специфическое понимание того, какие именно семейные узы признаются легитимным основанием для въезда и пребывания в стране⁹.

Обозначенное выше противоречие между юридическими определениями и социальной практикой находит своё отражение и в российских реалиях. Начнём с того, что представление о численности и доле семей мигрантов в общем миграционном потоке в России может быть получено лишь на основе анализа косвенных показателей. К ним

относятся статистические и экспертные данные о численности женщин-мигрантов, а также детей мигрантов, как родившихся в России, так и имеющих собственный миграционный опыт; о доле мигрантов, состоящих в браке; и об основаниях получения правовых статусов. По официальным данным, в последние годы женщины составляют около 20% трудовых мигрантов. Ю. Флоринская оценивает среднегодовое присутствие женщин — трудовых мигрантов в России в 1 млн человек, или около четверти общего объёма трудовой миграции. При этом страновая структура женской миграции неоднородна: например, доля женщин в потоках из Узбекистана и Таджикистана составляет 13 и 12% соответственно [5].

По данным на февраль 2016 г., в России свыше трёх месяцев находились 941 тыс. несовершеннолетних мигрантов [6]. По данным МВД, в 2025 г. этот показатель составлял 766 тыс. человек, сократившись через год примерно до 574 тыс. человек¹⁰. Ведомственные данные дополняют научные расчёты. К концу 2020 г. численность детей из семей международных мигрантов в возрасте 7–17 лет составляла от 445 до 460 тыс. человек. Причём в масштабах российской школьной системы их доля оставалась относительно небольшой: менее 1% составляли дети мигрантов из Центральной Азии и около 1,5% — из Армении и Азербайджана; собственный миграционный опыт после 2011 г. имели 0,6% школьников [7]. Число детей, родившихся в России и имеющих хотя бы одного родителя-мигранта, в период с 2001 по 2020 г., по экспертной оценке, составляет от 1 до 1,15 млн человек, однако только около трети из них имели двух родителей-мигрантов [8].

Что касается семейного состава миграции, по данным опросов, проведённых Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2017 и 2020 гг., около 62% мигрантов состояли в зарегистрированном, религиозном или

⁷ Запрет мигрантам на въезд семей в Россию. 22 августа 2024. URL: <https://wciom.ru / analytical-reviews / analiticheskii-obzor / zapret-migrantam-na-vezd-semei-v-rossiju>; Межнациональные отношения. Межнациональные отношения и проблема иммиграции. ВЦИОМ. 18 июля 2024. <https://wciom.ru / analytical-reviews / analiticheskii-obzor / mezhnatsionicheskie-otnosheniya-v-rossii-monitoring-2024> — (дата обращения 08.01.2026).

⁸ World Migration 2008: Managing Labour Mobility in the Evolving Global Economy. World Migration Report Series. Vol. 4. — Geneva : International Organization for Migration, 2028.

⁹ Family migration in Europe: policies vs. reality. IMISCOE Policy Brief. — 2009. — No. 16. — August. — URL: https://www.icmpd.org / file / download / 48684 / file / IMISCOE_PB16-Familymigration.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

¹⁰ В России из 766 тысяч детей иностранцев на миграционном учёте стоят 154 тысячи, 25.02.2025. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/1010744>; Володин сообщил о сокращении на 25% числа детей мигрантов в РФ, 29.01.2026. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/1070026> (дата обращения: 02.08.2026).

гражданском браке. В 2017 г. 47% респондентов проживали в России с родственниками, в 2020 г. около 31% вели совместное хозяйство с супругами и ещё 15% — с другими родственниками. Женщины значительно чаще мужчин проживают с членами семьи. В среднем около 16% опрошенных в 2017 г. и 15% в 2020 г. находились в России с несовершеннолетними детьми [2].

Наконец, семейная составляющая миграции отражается в статистике оснований получения правового статуса и причин переезда. В 2014–2018 гг. по линии воссоединения семьи разрешение на временное проживание получили 557 тыс. человек, или в среднем около 35% всех получателей; 366 тыс. из них являлись супругами граждан России. За 2010–2018 гг. гражданство по семейным основаниям получили 577 тыс. человек, или 35,6% общего числа натурализованных. В 2011–2018 гг. из 3,8 млн международных мигрантов, прибывших в Россию, 1,6 млн, или 41%, указали причины личного и семейного характера [9].

Таким образом, имеющиеся данные описывают разные стороны семейной миграции и не могут быть сведены к одному числу. Хотя, как абсолютные, так и относительные величины этих показателей сложно назвать большими, обзор общественно-политического дискурса в России демонстрирует, что положение семей иностранных мигрантов, в первую очередь трудовых, лишь начинает концептуализироваться в качестве фундаментального элемента государственной политики. Ключевой вопрос здесь заключается в определении функциональной роли таких семей: выступают ли они в качестве дополнительного вызова для российского государства и общества или же их следует рассматривать как демографический и социокультурный ресурс, способный стимулировать развитие страны и её регионов. Однако ответить на данные вопросы невозможно без чёткого осмысления самого явления «семья мигранта» в современном российском контексте. В этой связи целью данной статьи является концептуализация понятия «семья мигрантов», а также её типологизация, выявление структурных

границ и сущностных характеристик, в том числе через сравнение с индивидуальной трудовой миграцией.

Исследовательский контекст и ключевая дискуссия

История изучения семейной миграции в мировой науке отражает эволюцию восприятия мигранта от «трудовой единицы» к субъекту, включённому в социальные связи. Становление исследовательского интереса к семье как самостоятельному актору миграции относится к 1980-м гг. [10]. Этот поворот был обусловлен двумя факторами: прекращением массового набора иностранной рабочей силы в Западной Европе и влиянием феминистской оптики [11; 12]. Интерес к семье и домохозяйству как единице анализа в миграционных исследованиях также утвердился благодаря развитию «новой экономической теории трудовой миграции» (NELM), предложившей рассматривать миграционные решения как коллективные стратегии по распределению рисков и ресурсов между членами семьи [13]. Несмотря на это, долгое время семейная миграция продолжала трактоваться как вторичное явление по сравнению с «основным» мигрантом [3]. В 1990–2000-е гг. произошёл концептуальный переход к изучению сложных семейных стратегий и транснациональных семейных пространств [14]¹¹. В этот же период утвердился тезис о том, что любая миграция в определённом смысле является семейной, поскольку даже индивидуальные решения о переезде практически всегда принимаются в контексте семейных потребностей, взаимных обязательств и внутрисемейной динамики [15].

Институционализация семейной миграции во многом объясняет поляризацию академических и общественно-политических дискуссий о влиянии семейной миграции на страны приёма. Сторонники первой точки зрения полагают, что патриархальные отношения и традиции (например, браки по договорённости или принудительные

¹¹ The Transnational family: new European frontiers and global networks / D.F. Bryceson, U.Vuorela (eds.). — Oxford : Berg Publishers, 2002.

браки), приписываемые семьям мигрантов, выступают априорным препятствием для их успешной интеграции [16]. Данные аргументы дополняются тезисами о структурных ограничениях, прежде всего в доступе к рынку труда, жилью и языковым ресурсам. Подобный дефицит ресурсов снижает «видимость» семейных мигрантов для интеграционных программ и повышает риск их социальной изоляции¹². Семейная миграция также описывается как источник дополнительной нагрузки на социальную инфраструктуру, что побуждает государство минимизировать «интеграционные риски» через селективность допуска и ужесточение требований [17]. А семейная миграционная политика определяется через призму гендера, культуры и национальной идентичности [18].

Противоположная точка зрения рассматривает семейную миграцию как ресурс интеграции и фактор стабилизации миграционных процессов¹³. В рамках этой парадигмы предполагается, что совместное проживание с семьёй усиливает установку на долгосрочное оседание в странах приёма. Ключевым аргументом здесь выступает роль детей: становясь «мостом» между семьёй и институтами принимающего общества, они ускоряют адаптацию своих родителей, а в долгосрочной перспективе сами формируют капитал принимающей страны [19]. Однако, несмотря на фиксируемое исследованием разнообразие семейных форм, современные миграционные режимы западных стран зачастую игнорируют данный ресурсный потенциал, последовательно ужесточая условия воссоединения.

В отечественной социальной науке семейная проблематика затрагивается в рамках исследований женской миграции [1; 20; 21], а также в работах, посвящённых детям

из мигрантских семей и их образовательной интеграции [22–24]. Специальные исследования семейной миграции в России сфокусированы на анализе этнического состава домохозяйств¹⁴, трансформации брачного поведения [25] и методологических проблемах интерпретации статистических данных [9; 26]. Особое место занимают работы, посвящённые транснациональным практикам и специфике жизни мигрантов и их семей «на два мира» [2; 27].

Но несмотря на разнообразие работ, в российских исследованиях до сих пор не представлено осмысления семейной миграции как системного и общественно-политически значимого явления. В публикациях превалирует фрагментарный подход (фокусирующий на отдельных категориях: «дети мигрантов», «женщины-мигранты» или «члены семей»), в то время как дискуссия о том, выступает ли семейная миграция ресурсом развития или источником критического усложнения социально-экономической ситуации, остаётся в тени.

Эмпирические данные

В виду того, что в таком ракурсе, насколько нам известно, проблема ранее не формулировалась, а также малочисленности специальных научных работ, для ответа на поставленные вопросы предлагается начать с изучения научного экспертного мнения. Экспертиза основана на анализе интервью с исследователями региональных и общероссийских научно-исследовательских центров и университетов, специализирующихся на семейной проблематике и миграции из стран Центральной Азии в России. Выбор этих стран обусловлен тем, что на протяжении многих лет не менее половины иностранных трудовых мигрантов в России составляют уроженцы трёх центральноазиатских стран (Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана), а в постпандемийные годы их доля среди трудовых мигрантов дополнительно возросла. Цен-

¹² Family migration in Europe: policies vs. reality. IMISCOE Policy Brief. – 2009. – No. 16. – August. – URL : https://www.icmpd.org / file / download / 48684 / file / IMISCOE_PB16-Familymigration.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

¹³ Spitzer D.L. Family migration policies and integration. – New York: United Nations, 2018. – May 15–16. – URL : <https://www.un.org / development / desa / family / wp-content / uploads / sites / 23 / 2018 / 05 / Family-Oriented-Migration-Policies-and-Social-Integration.pdf> (дата обращения: 02.10.2026).

¹⁴ Донец Е.В. Семьи мигрантов в Российской Федерации: этническое измерение // Современные исследования миграции населения / ред. Е.В. Донец, О.С. Чудиновских. – Москва : МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. – С. 50–60.

тральноазиатская миграция также характеризуется постепенным ростом численности людей, ориентированных на укоренение в России: чуть менее четверти лиц, приобретших российское гражданство в период с 1992 по 2021 гг., являются гражданами указанных стран [28, с. 67].

Эмпирическую базу исследования составляют 24 глубинных полуструктурированных интервью с российскими научными деятелями, проведённые в 2022–2023 годах. Из них 4 интервью проведены со специалистами по семейной проблематике и 20 интервью — с исследователями в области демографии и миграции, включая миграцию из стран Центральной Азии в Россию, в том числе 3 интервью — с центральноазиатскими исследователями. Разнообразие экспертных позиций позволяет ответить на поставленные вопросы с учётом различных дисциплинарных и индивидуальных исследовательских оптик.

В зависимости от специализации экспертов предлагалось ответить на общие и специфические вопросы. Общие вопросы касались оценки миграционной ситуации и миграционных тенденций в странах исхода и в России; определения понятия «семьи мигрантов»; выявления ключевых характеристик, границ и форм семей мигрантов; а также оценки специфики семей мигрантов с точки зрения разных жизненных ситуаций, в том числе с позиций сильных и слабых сторон семейной миграции для адаптации и интеграции. Специальные вопросы формулировались с учётом дисциплинарной специализации экспертов. Например, исследователям, занимающимся проблематикой семьи, предлагалось дать характеристику современного состояния семьи и брака, семейных отношений, а также их изменений в последние годы. В качестве методов анализа использовались тематический анализ нарративов и метод социальной категоризации.

Результаты исследования

Контекстуальные факторы положения семей мигрантов в России. Положение се-

мей мигрантов из Центральной Азии в России, по мнению экспертов, представляет собой комплексную проблему, требующую анализа с учётом совокупности различных факторов. Прежде всего предлагается принимать во внимание контекст, определяемый взаимовлиянием социально-экономических и миграционных процессов как в странах происхождения, так и в России. Динамика этого взаимодействия раскрывается через анализ изменений в соотношении масштабов, состава и целей миграции.

По оценкам специалистов, несмотря на то что в последние годы доля выходцев из стран Центральной Азии в структуре иностранной трудовой миграции в России растёт, в абсолютных показателях их численность сокращается. Один из экспертов характеризует эту динамику как завершение «золотого века миграции». В частности, это выражается в постепенной утрате Россией статуса ключевого центра притяжения для трудовых мигрантов из Центральной Азии. Одновременно фиксируется увеличение числа мигрантов из региона, получающих российское гражданство, в том числе посредством инвестиций в недвижимость и использования механизмов воссоединения семьи. Указанная тенденция интерпретируется специалистами как следствие «старения» трудовой миграции. Мнения о хронологии этого сдвига расходятся: одни датируют его серединой 2000-х гг., другие — периодом 2010–2015 годов.

В качестве следующего фактора, задающего специфику семейной миграции, исследователи указывают на качественное изменение самой природы миграционных процессов. К нему относят обширную географию перемещений из центральноазиатских государств в Россию, что придаёт этой миграции одновременно транснациональный и транслокальный характер. Миграция также понимается как жизненный проект с временным горизонтом, где ориентация на краткосрочное или долгосрочное пребывание определяет тип рациональности, либо способствующий, либо тормозящий разработку устойчивых планов интегра-

ции, в том числе семейной миграции. Наконец, миграция приобретает ярко выраженную семейную направленность и, по выражению одного из специалистов, выступает кланово-родовым проектом. Повышенная мобильность мигрантов порождает изменчивость семейных границ: в структуру мигрантского домохозяйства могут включаться не только представители нуклеарной семьи, но и дальние родственники, а иногда даже лица без кровных связей.

Ещё одним фактором, обуславливающим положение мигрантских семей в России, исследователи считают отношение местного населения к мигрантам. Хотя в целом современный общественный дискурс демонстрирует снижение уровня предубеждений по сравнению с началом 2000-х гг., полного преодоления антимиграционных установок не наблюдается. По мере роста числа семей с детьми целями таких установок всё чаще выступают женщины и дети, вовлечённые, в отличие от мужчин, в более тесные повседневные контакты с принимающими институтами и локальными сообществами. В итоге принимающее общество начинает усматривать в миграции вызов не только для рынка труда, но и сложившимся представлениям о распределении социальных благ. Эта реакция служит одним из мотивов для самоизоляции части мигрантских семей, в том числе в рамках этно-мигрантских анклавов.

Понятийный аппарат семейной миграции в оценках экспертов. Для осмысления значения семей мигрантов в миграционной и социально-экономической ситуации в России специалисты рекомендуют анализировать категории «семья» и «мигрант» как самостоятельные единицы анализа. Так, трактовка семьи, по их мнению, определяется спецификой исследовательского подхода и критериями определения. Если исходить из состава, семья может быть нуклеарной или расширенной, полной или неполной; по юридическому статусу — оформленной официально или неформальной; по типу внутрисемейных связей — патриархальной либо эгалитарной; по последовательности брака — первичной или по-

следующей и другое. Иными словами, эксперты фиксируют разнообразие семейных конфигураций в целом.

Трактовка термина «мигрант» также определяется исследовательской оптикой. В рамках формально-правового подхода мигрант предстаёт прежде всего иностранным гражданином, который утрачивает этот статус после получения гражданства РФ. Культурологический подход, напротив, отвергает автоматическое снятие миграционного ярлыка при смене паспорта, поскольку, по оценкам ряда специалистов, даже смена поколений не всегда обеспечивает сдвиг в идентичности индивида. В отношении выходцев из государств Центральной Азии в России, обладающих различным правовым статусом и ориентированных на долгосрочное проживание, некоторые специалисты считают целесообразным использовать категорию «человек с миграционным бэкграундом» или «миграционной историей» и, соответственно, «семья с миграционной историей (бэкграундом)». Наконец, ряд экспертов дополняет этот условно «внешний» подход к определению «мигранта» «внутренним» или субъективным измерением, согласно которому ключевым фактором выступает самоидентификация: индивид утрачивает статус мигранта лишь в том случае, когда сам себя таковым больше не ощущает. В итоге специалисты разных социальных дисциплин не предлагают единой трактовки понятий «семья» и «мигрант» по отдельности и, соответственно, «семья мигрантов» в целом, потому что оно охватывает разнообразные формы семейных структур и типы внутренних связей. Обобщая экспертные мнения, выделим следующие конфигурации мигрантских семей.

Во-первых, это транснациональные семьи, которые проявляются либо в формате дистанционного взаимодействия, либо как структуры с накопленным миграционным опытом; для значительного числа мигрантов они выступают промежуточной стадией на пути к полноценному воссоединению в стране назначения. Во-вторых, это вторичные или параллельные семьи: хотя полигамные связи составляют побочное след-

ствие миграционных процессов в целом, масштабная и затяжная мужская трудовая миграция стимулировала их более интенсивное развитие, с одновременной регистрацией подобных практик и среди женщин. В-третьих, формируются смешанные браки, часто совмещающие межэтнические, межконфессиональные характеристики или союзы мигранта с местным жителем. Распространение четвертой формы, фиктивных браков, объясняется мигрантскими стратегиями легализации, но их число постепенно снижается из-за ужесточения процедур регистрации в России и странах Центральной Азии, а также благодаря доступным альтернативным механизмам легализации, включая воссоединение семей. Наконец, условно традиционная модель мигрантской семьи в России возникает либо через воссоединение родственников, либо путём создания нового союза в условиях миграции. Типично это двухпоколенная нуклеарная моноэтническая с моноконфессиональная семья с детьми, с российским гражданством или без, зачастую длительно и постоянно проживающая в России.

Сравнительные рамки анализа семей мигрантов. Для характеристики мигрантских семей, и, прежде всего, условно традиционной модели мигрантской семьи, исследователи используют две сравнительные перспективы: во-первых, сопоставление с семьями как в странах Центральной Азии, так и с российскими семьями; во-вторых, сопоставление с индивидуальной миграцией в разнообразных жизненных ситуациях с точки зрения адаптационных и интеграционных возможностей. Говоря о «типичной семье»¹⁵ в современных центральноазиатских обществах, исследователи акцентируют высокую ценность семьи, прежде всего семьи с детьми. Нормативный семейный порядок, по их оценкам, включает ориентацию на многодетность; связи с расширенной семьёй (как правило, трёхпоколенной и нередко объединённой в рамках одного домохозяйства); сравнительно ранний

возраст вступления в брак; иерархичность внутрисемейных отношений; выраженную дифференциацию гендерных ролей. Современная российская семья, напротив, описывается через вариативность и нестабильность (подвижность структуры) при относительно небольших размерах домохозяйства; типичным вариантом выступает нуклеарная первобрачная малодетная семья.

Вместе с тем исследователи подчёркивают, что институт семьи подвергается трансформациям как в центральноазиатских государствах, так и в России. В странах Центральной Азии фиксируют противоречивые процессы — ретрадиционализацию и эмансипацию, обусловленные глобальными влияниями и масштабной трудовой миграцией, в том числе в Россию. Среди индикаторов перехода от «традиционности» к «современности» называются нуклеаризация семьи, снижение рождаемости, рост брачного возраста, большая лояльность к самостоятельному выбору партнёра молодыми. Отмечается также рост числа браков, заключённых исключительно по религиозному обряду, что негативно сказывается на институте семьи как в Центральной Азии, так и в России. Трансформация же семьи в России выражается в ослаблении её экономических функций при сохранении репродуктивных задач. Несмотря на преемственность детоцентричной модели, фиксируется сдвиг приоритетов от обязательного родительства к значимости супружеских отношений. При этом на фоне снижения среднего числа детей в семье увеличивается доля многодетных домохозяйств.

В итоге исследователи заключают, что мигрантские семьи совмещают черты семейных моделей как в странах исхода, так и в России. Так, в большинстве подобных семей сохраняется разветвлённая сеть родственных контактов, поддерживаемая практиками взаимопомощи и взаимопомощи. Ряд семей демонстрирует более выраженную патриархальность и замкнутость, иногда даже по сравнению с семьями в странах Центральной Азии. Вместе с тем фиксируется и тенденция к снижению патриархальности, семьи частично эмансипи-

¹⁵ Специалисты уточняют: характеристики семейных форм варьируются в зависимости от конкретной страны Центральной Азии и типа поселения, из которого прибыл мигрант.

руются. Так, рост мобильности женщин, уже заметный в отправляющих государствах, в миграции получает дополнительный импульс за счёт расширения возможностей в сфере труда и досуга.

Ещё одним ракурсом анализа выступает сопоставление семейной и индивидуальной миграции в контексте различных жизненных сценариев. Исследователи рассматривают эти модели преимущественно через призму их адаптационного потенциала и возможностей для интеграции в принимающее общество. Любый иностранец в России, в первую очередь, сталкивается с необходимостью решения вопросов занятости и проживания, а также прохождения процедур легализации, что связано со значительными временными и финансовыми издержками. Однако в условиях семейной миграции нагрузка по легализации существенно возрастает. Если индивидуальный мигрант может ограничиться койко-местом, то семье, в частности для устройства детей в образовательные учреждения, необходима легальная регистрация и отдельное жильё. Кроме того, поиск жилья для семей мигрантов нередко осложняется установками арендодателей, которые отказывают иностранцам с детьми. Это, в свою очередь, вынуждает семьи периодически менять место проживания, что затрудняет устойчивое включение в социальную и образовательную инфраструктуру. Таким образом, можно заключить, что в целом семьи мигрантов оказываются в более уязвимом положении по сравнению с индивидуальными мигрантами¹⁶.

Наличие в семье несовершеннолетних детей задаёт дополнительный комплекс обстоятельств. При условии решения жилищного вопроса устройство в детские сады и школы, по оценкам экспертов, в большинстве российских регионов не сопряжено с существенными затруднениями. Вместе с тем проблемным остаётся владение русским языком, прежде всего у детей, прибывших в возрасте старше 10 лет, что осложняет их адаптацию и создаёт дополнительные нагрузки для образовательных организаций. Напротив, у детей, родившихся

в России либо начавших обучение с первого класса (особенно при наличии опыта посещения детского сада), подобные трудности, как правило, не проявляются. В большинстве случаев они успешно включаются в школьную среду и выстраивают социальные связи.

По оценкам специалистов, уровень владения русским языком выступает существенным барьером для адаптации не только детей, но и женщин. Объясняется это тем, что в некоторых семьях, особенно у мигрантов из Таджикистана и Узбекистана, взаимодействие с институтами принимающего общества (например, со школой) чаще берёт на себя мужчина. Подобная практика может быть обусловлена как религиозными нормами, так и недостаточным знанием русского языка: в этих условиях женщина, как правило, не вовлечена в занятость вне дома и сосредоточена преимущественно на внутрисемейных обязанностях.

В ряде семей дети выступают не только в роли переводчиков, но и в качестве посредников и агентов адаптации для родителей. Многие эксперты подчёркивают, что само присутствие детей является принципиальным признаком, отличающим семейную миграцию от индивидуальной. Приезд трудовых мигрантов с детьми нередко интерпретируется как индикатор ориентации семьи на долгосрочное проживание в России. В этой логике, несмотря на повышенную уязвимость на начальных этапах, многие семьи инвестируют больше ресурсов в формирование устойчивых условий жизни, чем индивидуальные мигранты, несущие ответственность преимущественно за собственное благополучие.

Кроме того, такие семьи, согласно экспертам, представляют собой относительно более состоятельный слой мигрантов, поскольку они способны оплачивать аренду жилья и перевоз детей. Именно во втором поколении, в детях мигрантов, особенно рождённых в России или привезённых в младшем возрасте, опрошенные специалисты видят ключевой ресурсный и интеграционный потенциал миграции из стран Центральной Азии.

¹⁶ Особенно семьи из Таджикистана и Узбекистана, которым, в отличие от граждан Кыргызстана, необходимо оформлять трудовой патент.

Заклучение

Анализ исследовательской экспертизы показывает, что положение семей трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России следует рассматривать как многоуровневый и контекстуально обусловленный вопрос, укоренённый одновременно в ситуациях в странах исхода и принимающего общества. Такое понимание семейной миграции соотносится с международными подходами, рассматривающими миграцию не как совокупность индивидуальных перемещений, а как социально встроенный процесс, поддерживаемый семейными и сетевыми связями и воспроизводимый на протяжении времени [18].

Одним из центральных выводов является признание принципиальной невозможности унификации понятия «семья мигрантов». Это обусловлено тем, что категории «семья» и «мигрант» носят релятивный характер, приобретая конкретное содержание в рамках определённой исследовательской парадигмы, юридического статуса индивидов или специфики их жизненных обстоятельств. Поэтому типологизация форм семей мигрантов важна не только как описательный инструмент, но и как условие корректной постановки вопроса о вызовах и ресурсах семейной миграции. Семейная миграция из стран Центральной Азии в России в экспертных интерпретациях предстаёт как амбивалентное явление, одновременно усложняющее социально-экономическую ситуацию и выступающее стратегическим ресурсом для развития принимающего общества — логика, характерная и для европейских дискуссий о семейной миграции как поле пересечения рисков и интеграционного потенциала [14].

Основные риски связаны с повышенной институциональной и правовой уязвимостью семей мигрантов и с ограничениями доступа к ключевым ресурсам адаптации. По сравнению с индивидуальными мигрантами семейная миграция предполагает большую административную и финансовую нагрузку, требуют дополнительных затрат и времени. По мере роста числа семей

с детьми меняется и конфигурация общественных напряжений: их объектами чаще становятся женщины и дети, вовлечённые в повседневные контакты с образовательными, медицинскими и локальными институтами. В ответ на это часть семей поддерживает стратегии самоизоляции и замыкания в этно-мигрантских сообществах.

Вместе с тем, семья выступает ключевым фактором стабилизации миграционных потоков, переводя их из логики временной мобильности в плоскость стратегий долгосрочного укоренения. В рамках этого процесса дети становятся агентами интеграции, транслирующими социальный капитал и языковые компетенции через образовательные, медицинские и другие социальные институты. Таким образом, если в краткосрочной перспективе семейная миграция может восприниматься как вызов для социальной инфраструктуры и управления, то в долгосрочном измерении она становится демографическим ресурсом принимающего общества. Поэтому принципиально важно отказаться от универсальных оценок и перейти к дифференцированному пониманию «семьи мигрантов», в котором тип семьи и её миграционная траектория выступают ключевыми основаниями как для научного анализа, так и для выработки инструментов государственной политики.

Несмотря на эмпирическую и концептуальную значимость, выводы, основанные только на исследовательской экспертизе, имеют ограничения, поскольку не позволяют реконструировать повседневные практики и стратегии самих семей мигрантов. Поэтому дальнейшие исследования целесообразно развивать за счёт эмпирических исследований семей мигрантов, а также углублённого анализа долгосрочных траекторий второго поколения и роли институтов разного уровня в формировании условий включения семей мигрантов в принимающее общество, т.е. направления, которые сегодня занимают одно из центральных мест в международных исследованиях семейной и транснациональной миграции.

Литература и интернет-источники

1. **Зайончковская, Ж.А.** Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Ж.А. Зайончковская, Е.В. Тюрюканова, Л.Б. Карачурина, [и др.]. — Москва : МАКС Пресс, 2011. — 120 с. EDN: QONPHJ
2. **Толмачева, А.Ю.** Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией / А.Ю. Толмачева // Вестник Института социологии. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 49–69. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830; EDN: PGADOO
3. **Kofman, E.** Introduction: issues and debates on family-related migration and the migrant family: A European perspective / E. Kofman, A. Kraler, M. Kohli, C. Schmoll // Gender, Generations and the Family in International Migration. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2013. — P. 13–54. DOI: 10.1515/9789048513611-002
4. **Bonjour, S.** Introduction: Family migration as an integration issue? Policy perspectives and academic insights / S. Bonjour, A. Kraler // Journal of Family Issues. — 2015. — Vol. 36. — No. 11. — P. 1407–1432. DOI: 10.1177/0192513X14557490
5. **Флоринская, Ю.Ф.** Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда / Ю.Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. — 2022. — № 1(190). — С. 78–90. DOI: 10.47711/0868-6351-190-78-90; EDN: UHKZIA
6. **Мукомель, В.И.** Дети в малоимущих мигрантских домохозяйствах в России (часть 1) / В.И. Мукомель // Социологические исследования. — 2025. — № 11. — С. 52–64. DOI: 10.7868/S3034577X25110056; EDN: WSDSHX
7. **Смирнова, М.А.** Дети мигрантов в России: потребность в интеграционной образовательной поддержке / М.А. Смирнова // Демографическое обозрение. — 2024. — Т. 11. — № 1. — С. 81–103. DOI: 10.17323/demreview.v11i1.20933; EDN: FLBLVY
8. **Smirnova, M.A.** Estimation of the Size of the Second Generation of Migrants in Russia and the West / M.A. Smirnova // Population and Economics. — 2025. — Vol. 9. — No. 3. — P. 148–172. DOI: 10.3897/popecon.9.e135459; EDN: SCTKIN
9. **Чудиновских, О.С.** Измерение семейной миграции в России: источники данных и проблемы их интерпретации / О.С. Чудиновских // Вопросы статистики. — 2020. — Т. 27. — № 4. — С. 24–52. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52; EDN: KLGGGL
10. **Boyd, M.** Family and personal networks in international migration: Recent developments and new agendas / M. Boyd // International Migration Review. — 1989. — Vol. 23. — No. 3. — P. 638–670. EDN: HIEODD
11. **Morokvasic, M.** Birds of passage are also women... / M. Morokvasic // International Migration Review. — 1984. — Vol. 18. — No. 4. — P. 886–907.
12. **Castles, S.** The Age of Migration: International population movements in the modern world / S. Castles, M.J. Miller. — 4th ed. — London : Palgrave Macmillan, 2009. — 338 p.
13. **Stark, O.** The New Economics of Labor Migration / O. Stark, D.E. Bloom // American Economic Review. — 1985. — Vol. 75. — No. 2. — P. 173–178.
14. **Kofman, E.** Family migration / E. Kofman, F. Buhr, M.L. Fonseca // Introduction to Migration Studies / P. Scholten (ed.). — Cham : Springer IMISCOE, 2022. — P. 137–149. DOI: 10.1007/978-3-030-92377-8_8
15. **Baldassar, L.** Key developments and future prospects in the study of transnational families / L. Baldassar, M. Kilkey, L. Merla, R. Wilding // Research Handbook on the Sociology of the Family / J. Treas, J. Scott, M. Richards (eds.). — Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2021. — P. 439–451. DOI: 10.4337/9781788975544.00040
16. **Bonjour, S.** A proper wife, a proper marriage: Constructions of «us» and «them» in Dutch family migration policy / S. Bonjour, B. de Hart // European Journal of Women's Studies. — 2013. — Vol. 20. — No. 1. — P. 71–86. DOI: 10.1177/1350506812456459
17. **Massey, D.S.** Theories of international migration: a review and appraisal / D.S. Massey, J. Arango, G. Hugo, [et al.] // Population and Development Review. — 1993. — Vol. 19. — No. 3. — P. 431–466.

18. **La Spina, E.** «Good / bad» migrant families and their integration in the European Union / E. La Spina // *Migraciones Internacionales* [online]. — 2019. — Vol. 10. — e2025. DOI: 10.33679/rmi.vii1.2025
19. **Wray, H.** Introduction to special issue: family migration in times of crisis / H. Wray, K. Charsley, G. Kolbaşı-Muyan, L. Smith // *Migration Studies*. — 2023. — Vol. 11. — No. 3. — P. 363–379. DOI: 10.1093/migration/mnad026; EDN: FPSLMC
20. **Зотова, Н.А.** Феминизация миграции из стран Средней Азии в Россию на примере Таджикистана / Н.А. Зотова // *Россия и мусульманский мир*. — 2007. — № 11. — С. 94–101. EDN: HGMAHT
21. **Полетаев, Д.В.** Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию / Д.В. Полетаев // *Народонаселение*. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 68–78. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07; EDN: YVSQCT
22. **Александров, Д.А.** Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные / Д.А. Александров, В.В. Баранова, В.А. Иванюшина. — Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического университета, 2011. — 100 с. EDN: QYJQNV
23. **Флоринская, Ю.Ф.** Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции / Ю.Ф. Флоринская // *Проблемы прогнозирования*. — 2012. — № 4. — С. 118–127. EDN: PIIAVH
24. **Адаптация и интеграция детей из семей мигрантов в российской системе образования** / под ред. Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. — Москва : Этносфера, 2022. — 169 с. DOI: 10.37492/978-5-93125-188-2
25. **Рязанцев, С.В.** Брачное поведение женщин-мигрантов из стран Центральной Азии / С.В. Рязанцев, С.Ю. Сивоплясова // *Женщина в российском обществе*. — 2021. — Спец. выпуск. — С. 136–149. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9; EDN: HUFCTO
26. **Ткачева, Н.А.** Семьи с миграционной историей в контексте политики социального развития региона / Н.А. Ткачева, А.В. Юдашкин // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. — 2023. — № 4. — С. 142–161. DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-142161; EDN: ZLSVLT
27. **Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность** / ред. С.Н. Абашин, О.Е. Бредникова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — 520 с. EDN: MZZYPU
28. **Мукомель, В.И.** Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монусова, [и др.]. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 400 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022; EDN: YKKOSI

Информация об авторе:

Пешкова Вера Михайловна, к.ист.н., ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: pever@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3530-922X; РИНЦ SPIN-код: 1436-3640.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-144-158

SOCIAL RISKS AND RESOURCE POTENTIAL OF LABOUR MIGRANT FAMILIES IN RUSSIA (EXPERT-BASED ANALYSIS)

Vera M. Peshkova

IS FCTAS RAS

(24 / 35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Russia, Moscow, 117218)

E-mail: pever@mail.ru

For citation:

Peshkova V.M. Social risks and resource potential of labour migrant families in Russia (expert-based analysis). *Narodonaselenie* [Population]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 144-158. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-144-158 (in Russ.)

Abstract. *The issues of the position of labour migrant families with children have only recently begun to be perceived as an integral component of the doctrinal and legal foundations of Russia's migration policy. In this context the question arises, whether such families are a source of additional challenges for migration policy and socio-economic development of the country or, conversely, can be regarded as a resource. Drawing on an expert-based research procedure, this article examines how the category of the «migrant family» is conceptualized and problematized in the Russian academic community. The empirical basis of the study consists of in-depth semi-structured interviews with 24 specialists engaged in the study of family and migration from Central Asian countries to Russia. The author concludes that currently there is no unambiguous, and indeed can be no unequivocal, definition of the category migrant family», as it encompasses a variety of family structures and relationship models at different stages of the migration trajectory. Consequently, any assessment of migrants' family status and integration potential requires a clear specification of their concrete forms. In expert interpretations, description of the characteristics and boundaries of such families is constructed, first, through comparison both with families in the countries of origin in Central Asia and with Russian families; and second, through comparison of family and individual migration in different contexts, primarily in terms of the adaptive and integrative potential. It is concluded that migration of families with children simultaneously presents a social challenge and a resource of integration, as well as a factor of demographic and socio-economic development of Russia.*

Keywords: *migration policy, migrant families, family migration, labor migration, migration from Central Asia, integration.*

References and Internet sources

1. Zaionchkovskaya Zh. A., Tyuryukanova E.V., Karachurina L.B., et al. *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Women Migrants from CIS Countries in Russia]. Moscow: MAK Press [MAKS Press]. 2011. 120 p. (in Russ.)
2. Tolmacheva A. Yu. *Sem'i migrantov iz postsovetskikh gosudarstv: mezhdru rodinoy i Rossiej* [Families of migrants from post-Soviet states: between homeland and Russia]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 49–69. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830 (in Russ.)
3. Kofman E., Kraler A., Kohli M., Schmoll C. Introduction: issues and debates on family-related migration and the migrant family: a European perspective. *Gender, Generations and the Family in International Migration*. Amsterdam. Amsterdam University Press. 2013. P. 13–54. DOI: 10.1515/9789048513611-002
4. Bonjour S., Kraler A. Introduction: Family migration as an integration issue? Policy perspectives and academic insights. *Journal of Family Issues*. 2015. Vol. 36. No. 11. P. 1407–1432. DOI: 10.1177/0192513X14557490

5. Florinskaya Yu.F. Zhenskaya trudovaya migratsiya v Rossiyu: chislennost', strany-donory, nishi na rynke truda [Female labor migration to Russia: number, donor countries, niches in the labor market]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development]. 2022. No. 1 (190). P. 78–90. DOI: 10.47711/0868-6351-190-78-90 (in Russ.)
6. Mukomel V.I. Deti v maloimushchikh migrantskikh domokhozyaistvakh v Rossii (chast' 1) [Children in low-income migrant households in Russia (Part 1)]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. 2025. No. 11. P. 52–64. DOI: 10.7868/S3034577X25110056 (in Russ.)
7. Smirnova M.A. Deti migrantov v Rossii: potrebnost' v integratsionnoj obrazovatel'noj podderzhke [Children of migrants in Russia: The need for integrative educational support]. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review]. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 81–103. DOI: 10.17323/demreview.v11i1.20933 (in Russ.)
8. Smirnova, M.A. Estimation of the size of the second generation of migrants in Russia and the West. *Population and Economics*. 2025. Vol. 9. No. 3. P. 148–172. DOI: 10.3897/popecon.9.e135459
9. Chudinovskikh O.S. Izmereniye semeinoj migratsii v Rossii: istochniki dannyyh i problemy ikh interpretatsii [Measuring family migration in Russia: sources of data and problems of its interpretation]. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues]. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 24–52. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52 (in Russ.)
10. Boyd M. Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendas. *International Migration Review*. 1989. Vol. 23. No. 3. P. 638–670.
11. Morokvasic M. Birds of passage are also women... *International Migration Review*. 1984. Vol. 18. No. 4. P. 886–907.
12. Castles S., Miller M.J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. 4th ed. London. Palgrave Macmillan. 2009. 338 p.
13. Stark O., Bloom D.E. The new economics of labor migration. *American Economic Review*. 1985. Vol. 75. No. 2. P. 173–178.
14. Kofman E., Buhr F., Fonseca M.L. Family migration. *Introduction to Migration Studies*. Ed. P. Scholten. Cham. Springer IMISCOE. 2022. P. 137–149. DOI: 10.1007/978-3-030-92377-8_8
15. Baldassar L., Kilkey M., Merla L., Wilding R. Key developments and future prospects in the study of transnational families. *Research Handbook on the Sociology of the Family*. Eds. J. Treas, J. Scott, M. Richards. Cheltenham. Edward Elgar Publishing. 2021. P. 439–451. DOI: 10.4337/9781788975544.00040
16. Bonjour, S. de Hart B. A proper wife, a proper marriage: Constructions of «us» and «them» in Dutch family migration policy. *European Journal of Women's Studies*. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 71–86. DOI: 10.1177/1350506812456459
17. Massey D.S., Arango J., Hugo G., et al. Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19. No. 3. P. 431–466.
18. La Spina E. «Good / bad» migrant families and their integration in the European Union. *Migraciones Internacionales* [online]. 2019. Vol. 10. e2025. DOI: 10.33679/rmi.v1i1.2025
19. Wray H., Charsley K., Kolbaşı-Muyan G., Smith L. Introduction to special issue: Family migration in times of crisis. *Migration Studies*. 2023. Vol. 11. No. 3. P. 363–379. DOI: 10.1093/migration/mnad026
20. Zotova N.A. Feminizatsiya migratsii iz stran Srednei Azii v Rossiyu na primere Tadzhikistana [Feminization of migration from Central Asian countries to Russia: The case of Tajikistan]. *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Moslem World]. 2007. No. 11. P. 94–101. (in Russ.)
21. Poletayev D.V. Zhenskaya trudovaya migratsiya iz Tadzhikistana i Kirgizii v Rossiyu [Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia]. *Narodonaseleniye* [Population]. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 68–78. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07 (in Russ.)
22. Aleksandrov D.A., Baranova V.V., Ivanyushina V.A. Deti iz semej migrantov v shkolakh Sankt-Peterburga: predvaritel'nyye dannye [Children from Migrant Families in Schools of Saint Petersburg: Preliminary Data]. St. Petersburg. Izd-vo Politekhnikheskogo universiteta [Polytechnic University Publishing House]. 2011. 100 p. (in Russ.)

23. Florinskaya Yu.F. Migratsiya semej s det'mi v Rossiju: problemy integratsii [Migration of families with children to Russia: Integration problems]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]. 2012. No. 4. P. 118–127. (in Russ.)
24. Adaptatsiya i integratsiya detej iz semej migrantov v rossijskoj sisteme obrazovaniya [Adaptation and integration of children from migrant families in the Russian education system]. Eds. E.A. Omelchenko., A.A. Shevtsova. Moscow. Etnosfera [Ethnosphere]. 2022. 169 p. DOI: 10.37492/978-5-93125-188-2 (in Russ.)
25. Ryazantsev S.V., Sivoplyasova S.Yu. Brachnoye povedeniye zhenshchin-migrantov iz stran Tsentral'noj Azii [Matrimonial behavior women from Central Asian countries]. Zhenshchina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian Society]. 2021. Special issue. P. 136–149. (in Russ.)
26. Tkacheva N.A., Yudashkin A.V. Sem'i s migratsionnoj istoriej v kontekste politiki sotsial'nogo razvitiya regiona [Families with a migration history in the context of regional social development policy]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika [Proceedings of Higher Education Institutions. Sociology. Economics. Politics]. 2023. No. 4. P. 142–161. DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-142161 (in Russ.)
27. Zhit' v dvukh mirakh: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost' [Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality]. Eds. S. N Abashin., O.E. Brednikova. Moscow. Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review]. 2021. 520 p. (in Russ.)
28. Mukomel V.I., Grigorieva K.S., Monusova G.A., et al. Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikatory [Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators]. Moscow. FNISs RAN [FCTAS RAS]. 2022. 400 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022 (in Russ.)

Information about the author:

Peshkova Vera Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, IS FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: pever@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3530-922X; Elibrary SPIN-code: 1436–3640.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.